

■ ■ ■ О равнозначности познавательных систем: парадигма коммуникативного континуума

Барков С.А.¹, Зубков В.И.²

1. Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Российская Федерация.

2. Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. Обсуждение проблемы построено в форме диалога между приверженцем постмодернизма, выступающего за равнозначность познавательных систем (главным образом – науки и искусства), и приверженцем «классической» науки, считающим ее главной познавательной системой. В статье рассматриваются: история неразделимости–обособления познавательных систем; континуум «естественные науки–социально-гуманитарные науки–искусство»; познавательные возможности изобразительных и выразительных видов искусства; познавательные инструменты искусства (художественные образы) и возможности интерпретации художественных произведений; познавательные методы вчувствования, открытия конкретных фактов и формирования компетенций; способы изменения мира наукой и искусством. Познавательная система встраивается при этом в коммуникативный континуум, рассматриваемый (по О.Э. Ивановой) как «целостное, проявленное во взаимодействии множество, основанное в своем единстве на различии элементов («Я» и Другого как «Ты») упорядоченность которого выражается в объединении прерывности и непрерывности взаимодействия (человека, Бога, природы)». Итог рассуждений авторов предлагается подвести читателю.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, депривилегизация науки, познавательные системы, научный метод, познавательные методы искусства, коммуникативный континуум

Для цитирования: Барков С.А., Зубков В.И. О равнозначности познавательных систем: парадигма коммуникативного континуума // Коммуникология. 2018. Том 6. №3. С. 15-33. DOI 10.21453/2311-3065-2018-6-3-15-33.

Сведения об авторах: Сергей Александрович Барков, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; Владимир Иванович Зубков, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления и социальных технологий Института инженерной экономики и гуманитарных наук Московского авиационного института (национального исследовательского университета). Адрес: 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, Социологический факультет. E-mail: barkserg@live.ru.

Статья поступила в редакцию: 01.06.2018. *Принята к печати:* 13.06.2018.

В постмодернизме принцип депривилегизации науки имеет два аспекта. Во-первых, он означает, что обсуждением и решением практических проблем долж-

ны заниматься не только ученые и специалисты, но и все заинтересованные стороны и лица. Во-вторых, постмодернисты не считают науку наиболее адекватной системой познания и призывают наравне с ней использовать и искусство. Некоторыми авторами предлагается уравнивать в правах на познание также науку и религию, которая объясняет мир посредством абсолютных изначальных истин. Однако следует выяснить, во-первых, степень оригинальности этих эпистемологических взглядов в европейской культуре, а, во-вторых, возможность их практической реализации.

Под рубриками *Pro* содержатся аргументы в пользу познавательного приоритета науки. Под рубриками *Contra* представлены аргументы против этого и соответственно за равнозначность познавательных систем.

Contra

Наука прочно укрепилась в качестве высшей познавательной системы только в эпоху модерна. Древние греки, будучи основоположниками классической науки и ее исследовательских принципов, могли расставлять приоритеты совсем по-иному. Так, Аристотель поэзию ставил выше истории, и трагика Софокла – выше «отца истории» Геродота. И тот, и другой писали о греко-персидских войнах, но, по Аристотелю, Софокл в своей трагедии «Персы» на примере единичного говорит нам об общем, а Геродот в своей «Истории» – только о единичном [Мамедов: 16].

Постмодернизм, зародившийся в искусстве, и иногда обоснованно, а иногда и огульно критикующий традиционную науку, поставил под вопрос познавательный приоритет науки и разделение способов познания окружающего мира. Каждый человек познает его как с помощью науки, так и с помощью искусства, как левым полушарием своего мозга, так и правым. Научные достижения порой подвигают творческих людей на создание произведений искусства, а последние нередко служат толчком к разработке новых научных парадигм. Лучшим примером этого может служить Ада Лавлейс, еще в первой половине XIX века описавшая принцип работы вычислительной машины и составившая первую программу к ней. «Отец (Лорд Байрон. – Авт.) передал ей увлечение поэзией, мать – математикой, и впоследствии Ада сложила собственную мозаику – ‘поэтическую науку’» [Айзексон: 567].

Применение строго научного метода оправдано только в области естественных наук. Важнейшей характеристикой этого метода является неукоснительное следование законам формальной логики, а значит и эмоциональная отстраненность исследователя от того, что он изучает. Конечно, эмоциональная оценка знаний об амебах или химических элементах – вещь абсурдная. (Но попутно заметим, что выдающиеся популяризаторы естественных наук вошли в историю именно потому, что, обладая художественным талантом, сумели рассказать об этих науках образно и эмоционально.) Однако в социально-гуманитарных науках исключать из процесса познания эмоции и ценности не только не нужно, но и попросту невозможно. Тем самым методологический эклектизм и критика

классического научного метода базируются на необходимости привлечения к социально-гуманитарному исследованию методов искусства, столь непохожих на строгие научные методы. Поэтому научные тексты и произведения литературы, спектакли, фильмы, статьи журналистов, а часто и «абсолютно ненаучная» информация в Интернете становятся равноправными по своему эвристическому и инновационному потенциалу.

Социально-эмоциональное отношение к познанию современного мира непосредственно проявляется в так называемом «клиповом мышлении» молодежи. Сегодня ей трудно следовать за традиционной научной логикой, связывая воедино объект, предмет, цели и задачи исследования и выстраивая сложные причинно-следственные связи. Поэтому яркий образ, содержащийся в клипе, оказывается более значимым и понятным, а также более операциональным, чем многочисленные страницы традиционных научных текстов. Ведь они, как и столетия назад – во времена «сильной абстракции», когда книга и инструментальная музыка были важнейшими средствами передачи информации, – все еще представляют собой ряды черных значков на белой бумаге. Разве могут они привлечь к себе внимание современного молодого человека? Кроме того, западный научный стиль, несколько веков конституировавший себя как единственно возможный в описании всех явлений, сегодня во многом смотрится архаично и не вызывает энтузиазма как у пишущих, так и у читающих людей XXI столетия.

В мире 3D уходит в прошлое такой метод подачи учебного материала, как лекция. Что такое лекция для современного студента? Это – «говорящая голова», излагающая чаще всего не свои мысли. Поэтому становится все более необходимой образная презентация материала, привлекающая внимание студента. Скоро и этого будет мало – нужно будет включать в лекции видеоматериалы и музыку, чтобы по-настоящему заинтересовать аудиторию. Со временем лекция станет похожей на поход в кино или в развлекательный центр, где наука и искусство сливаются в единое целое.

Как это ни парадоксально, но наука своим развитием во многом способствовала такому положению вещей. Так, главной целью прогресса в области аудиовизуальной техники уже давно стало максимальное приближение изображения к реальности. Еще в середине XX столетия Р. Брэдбери в романе «451 градус по Фаренгейту» писал об экранах величиной со стену комнаты и полном приближении образов, созданных в кино, к реальности. Ученые практически полностью справились со всем этим. Осталось то небольшое, что уже появилось в виде разработок – добавить к трехмерному изображению и объемному звуку еще и запахи, дуновения ветра и т.п. Тогда реальность не надо додумывать. Изображение и есть реальность. Ее можно познавать, просто переживая ее.

Pro

Как известно, до появления первых мудрецов (философов, ученых) мировоззрение греков носило мифолого-поэтический характер. Завершающее его оформление в IX-VII вв. до н.э. осуществили выдающиеся древнегреческие по-

эты, которые, по выражению Геродота, «создали грекам их богов». Но и первые философы VI – начала V в. до н.э. не отрицали богов как таковых и излагали свои теории в стихах, а затем в форме диалогов, имеющих помимо научной и художественную ценность [Мамедов: 20-21]. К концу V в. до н.э. сформировалась метафизика как новая рациональная религия, или учение об истинном бытии. Это новое мировоззрение греков можно называть полноценной религией, а не только наукой, поскольку оно выполняло все функции прежнего мифологическо-поэтического мировоззрения и претендовало на руководство всей общественной и личной жизнью греков того времени, в основу которой впервые был положен разум (Логос) [Мамедов: 35-36].

В Средние века был усовершенствован научный метод, создана система образования, сформированы новые виды искусства. Однако наука и искусство, следуя идее христианского спасения, становятся еще более неотделимыми от религии. Поэтому, как считал Фома Аквинский, теология и, добавим, те искусства, которые непосредственно реализуют ее идеи, в раскрытии картины мира являются основополагающими, остальные же научные знания и искусства – иерархически соподчиненными, «обслуживающими». На нижних ступенях этой иерархии оказывается обыденное (житейское) знание и его творческие воплощения.

В эпоху Возрождения религия значительно потеряла в своих познавательных правах, но различие между наукой и искусством по-прежнему практически не осознавалось. Во-первых, потому, что в ту эпоху культурным идеалом считалась гармонично развитая личность, сочетающая в себе черты философа, ученого, поэта и художника. Во-вторых, как указывает Т.Кун, в это время живопись, например, рассматривалась как область, где, как и в науке, происходит кумулятивный рост результатов, где возможно прогрессирующее продвижение и достижение все более совершенных изображений природы. Поэтому Леонардо да Винчи был только одним из многих, кто свободно переходил от науки к искусству и наоборот [Кун].

Разделение функций науки и искусства, которые на протяжении всей предыдущей истории в целом служили упорядочению и гармонизации мира, начинается в XVII в. с развитием методологии эмпирических исследований, основанной на рационалистических принципах. Более того, становление всей культуры модерна связано с рационализацией, верой в человеческий разум и поиском истины (за исключением эпохи романтизма), в результате чего познавательный статус искусства значительно снижается, и на первый план выступают его эстетические функции. Между тем наука и искусство остаются взаимосвязанными: классическая наука стремится к открытию объективных законов, а искусство – к реалистичному отображению наиболее типического в жизни.

Эта взаимосвязь сохранялась и веком позже. Наиболее ярким примером сочетания художественного и научного мышления является творчество И.В. Гёте. Он был сторонником цельного постижения мира и полагал, что художник и естествоиспытатель реализуют один и тот же проект проникновения в тайны природы, постижения ее сути. По Гёте, наука говорит о том, что чувства обманчивы,

и поэтому вытесняет непосредственность живых восприятий и заменяет явления природы теоретическими измышлениями, а часто и просто одними словами. Художественное творчество Гёте всемирно известно, но он является также философом и ученым. Философское учение Гёте о протофеномене и прототипе раскрывается в его естественнонаучных исследованиях в областях биологии, физики, химии, геологии, минералогии, метеорологии. Он является создателем сравнительной морфологии растений и животных, физиологической оптики и автором многих других научных концептов [Свасьян: 86-87].

Наибольший разрыв между художественным и научным творчеством происходит в первой половине XIX века, но уже не из-за признания преимуществ научного метода, а по прямо противоположной причине. Под влиянием романтизма, пришедшего на смену просвещению и совпавшего с промышленной революцией, культ разума сменяется культом всего естественного (чувственного) в человеке, и со стороны свободной фантазии возникает жесткая оппозиция холодному разуму, узкому прагматизму жизни и линейному научному прогрессу. Казалось, что научный образ жизни с его лабораториями и экспериментами подавляет дух свободы исканий, который свойственен художникам, а сам экспериментальный подход не позволяет открывать секреты природы [Рассел: 427]. Как мы видели, подобные рассуждения есть и у Гёте. Но если он, указывая на недостатки науки, призывал к целостному познанию реальности, то романтики вообще сомневались в возможностях науки и выступали за чувственное познание методами искусства. Однако повторим, что за пределами романтизма наука все более приобретает характер культурной доминанты, заменяя собой доминанту религии.

Наиболее последовательно разделение познавательных систем было осуществлено Гегелем, который рассматривал искусство, религию и философию как высшие формы самопознания абсолютного духа [Гегель]. По мнению Гегеля, конкретные науки, более сходны с философией по форме, чем по содержанию. Содержание философии имеет «абсолютный» мировоззренческий характер, содержание же конкретных наук прагматично. Искусство и религия, напротив, значительно ближе философии по содержанию, но не по форме. Поэтому, по Гегелю, низшей формой самопознания абсолютного духа является искусство, отражающее реальность в художественных конкретно-чувственных образах. Затем следует религия, которая познает мир посредством представлений. Высшая форма самопознания абсолютного духа – философия есть синтез и раскрытие истин, содержащихся в искусстве и религии, в форме понятий. (Философские учения, по Гегелю, также находятся между собой в отношениях преемственности и субординации.)

Разработка неклассических (философия жизни) и в особенности постнеклассических (экзистенциализм и философская герменевтика) теорий сопровождается существенным пересмотром взглядов на соотношение науки и искусства. Такие особенности постнеклассической (современной) науки, как ослабление оппозиции субъекта и объекта, переключение исследовательского внимания с

изучения общего на изучение индивидуальных и даже уникальных явлений, признание зависимости того или иного научного образа мира от конкретной ситуации встречи познающего и познаваемого, представления о «человекоразмерности» познания, неизбежно включающего в себя ценностно-эмоциональные элементы, в очередной раз сближают науку и искусство. Последнее, являясь, по выражению Х.Г. Гадамера, способом «приращения бытия» перестает рассматриваться в качестве периферийного вида духовной деятельности, выполняющей лишь функции развлечения, эстетического удовлетворения и воспитания. Художественное творчество с его экзистенциальной захваченностью и установкой на целостное постижение действительности снова оказывается равноправным партнером науки в деле познания-освоения мира [Бакеева]. С начала XX в. также делаются неоднократные попытки примирить науку и религию. А, например, Дж. Сантаяна в своей «моральной философии» признает инструментами познания помимо науки, религии и искусства также и здравый смысл (но, правда, по-разному оценивает их). В общем, то же самое или почти то же самое предлагает сегодня и постмодернизм.

Contra

С точки зрения принципов познания религия в целом отличается статичностью, так как толкует мир через призму неизменных священных текстов. Научные открытия и новые произведения искусства, напротив, постоянно изменяют картину мира. Поэтому сосредоточимся лишь на познавательных возможностях науки и искусства. Кроме того, говоря о продуктивности их синтеза, под наукой будем понимать только ее социально-гуманитарную область. Никто ведь не предлагает исследовать микробы или галактики с помощью поэмы или романов.

В наших представлениях о мире можно выделить континуум «естественные науки–социально-гуманитарные науки–искусство». Это относительно независимые познавательные системы, поскольку ни одну из них нельзя представить как некий подвид другой. Занимая срединное положение между естественными науками и искусством, социально-гуманитарное знание может приближаться то к одному, то к другому полюсу континуума. Однако эпоха модерна фактически обособила социально-гуманитарные науки и искусство, поэтому социологи и гуманитарии, стали стремиться к «естественнонаучности» и более двух веков создавали свои теории и тексты, подобно математикам и физикам. Б. Спиноза писал свою «Этику» [Спиноза] в виде аксиом и теорем. О. Конт, математик по образованию, выдвинул лозунг создания социологии по аналогии с математикой, астрономией, физикой и биологией [Конт]. И эти примеры можно продолжить. Но на сегодняшний день, несмотря на активное применение математических методов, системного, синергетического и других общенаучных подходов, ни одну социально-гуманитарную науку не удалось уподобить физике или химии.

Неудачи в построении социально-гуманитарного знания по классическим принципам естественных наук заставляют одних ученых говорить о необходимости опережающего развития социально-гуманитарного знания в современном

мире. Другая часть ученых вместе с экономистами, распределяющими бюджеты, и политиками, вовлекающими свои страны в глобальную конкуренцию, продолжают традицию отношения к социально-гуманитарным наукам как к чему-то второстепенному. Возможна и третья – промежуточная позиция: эти науки важны, но не сами по себе. Они служат важным фактором, способствующим созданию подлинных инноваций в области технического развития человечества.

В известной книге американского журналиста, писателя и президента Аспенского института гуманистических исследований У. Айзексона «Инноваторы» [Айзексон] показано, что наиболее существенные открытия в области информационных технологий и телекоммуникаций были сделаны людьми, одновременно с техникой интересовавшимися гуманитарным или художественным творчеством. Не раз подчеркивается, что люди, соединившие в себе гуманитарное и техническое знание, оказывались более продуктивными в изобретении новых средств обработки и передачи информации, чем чистые технари. «Свои презентации продукции Apple Стив Джобс обычно заканчивал слайдом с дорожными знаками, изображающими пересечение гуманитарных наук и технологий. На своей последней презентации iPad 2 в 2011 году, стоя перед экраном, на который проецировалось это изображение, он сказал: “Одних технологий недостаточно – в самой ДНК Apple заложен союз технологий с искусством и гуманитарными науками. И это дает такие плоды, что душа поет”» [Айзексон: 566]. Но Стив Джобс все же именно компьютерный гений, а гуманитарные знания и искусство были только его «помощниками» в создании электронных машин.

Близость к искусству, схожесть с искусством была и остается той чертой, которая придает своеобразие философии и социально-гуманитарным наукам. Здесь ценится не только истинность, но и красота, а также оригинальность мысли. В особенности это характерно для философии, но и социально-гуманитарные науки заимствовали ряд свойственных искусству принципов и императивов, прежде всего для построения своих текстов. Почему же это сходство с искусством так претит ученым, говорящим о неразвитости социально-гуманитарного знания? Один из ответов состоит в том, что общие законы естественных наук служат базисом для преобразования реальности. Но, например, в области социальных наук общие законы, если их вообще можно сформулировать, либо требуют активного субъективного воздействия на реальность (а часто и колоссальных жертв как при реализации марксистско-ленинского учения в России), либо являются просто поводами для дискуссий (типа дискуссий о роли протестантской этики в развитии капитализма).

Социально-гуманитарные науки, конечно, что-то, где-то и когда-то объясняют, но чаще всего *post factum*, поэтому их прогностические возможности всегда подвергались существенному сомнению. Однако эти науки, как и искусство, не нацелены на преобразование мира путем реализации теоретически обоснованных единственно правильных решений.

Но неужели искусство не преобразует мир? Преобразует, только иными, не схожими с естественнонаучными, но тоже весьма действенными путями. Ответ

на вопрос: «Что больше влияет на жизненную позицию человека – изучение химии или литературы в школе?» – очевиден. Детективные романы Ж.-П. Гранже скажут обычному человеку о жизни в Африке больше, чем любые научные трактаты. И если этот человек попадет в Африку, он будет вести себя там, во многом исходя из прочитанного у Гранже. А что это, если ни изменение и даже создание реальности? Причем такое положение вещей связано не только и не столько с тем, что ученые традиционно живут в «башне из слоновой кости» и их произведения читают единицы, десятки или может быть сотни человек, тогда как популярные романы влияют на сознание миллионов. Для понимания общества нужна не только информация, но и сопереживание. Сопереживание делает знание живым, актуальным и востребованным. И именно искусство как особая познавательная система способна синтезировать изучение реальности и сопереживание ей.

Заметим также, что существует комплекс наук, изучающий само искусство и именуемый искусствоведением, которое «все расставляет по своим местам» и придает объективную форму субъективным потокам сознания художников. При этом, например, та же литература создает у читателей образ мира, формирует отношение к нему и влияет на поступки людей, подавляющее большинство которых никогда в жизни не читали ни одного литературоведа или критика. То же самое касается и «взаимоотношений» литературы и истории, наиболее явно проявляющихся в феномене исторического романа. Уже на протяжении двух столетий этот жанр вызывает самые нелестные отзывы и даже возмущение ученых-историков в связи со всякого рода неточностями в текстах, которые якобы отдалают читателя от «объективной исторической истины». (На самом же деле в художественном произведении исторические неточности не только вполне допустимы, но порой и неизбежны). Но можно ли со времен А. Дюма назвать хотя бы одно научное произведение, повлиявшее на общество и на отдельных людей в большей мере, чем «Три мушкетера» или «Граф Монте-Кристо»? Ничто так полно не знакомит миллионы людей на планете с жизнью Франции времен Людовиков, как эти романы. И какими несущественными кажутся исторические неточности в них в сравнении с их социальной ролью!

Авторы, пишущие исторические романы, иногда вскрывают новые факты и даже важные закономерности, и именно они делают достижения ученых-историков объектами массового обсуждения, а также пропагандируют историческую науку как таковую. Популярный исторический роман в социальном плане важнее тысяч исторических монографий. Это можно сказать о романах Балашова, Пикуля, Свечина и многих других авторов. Именно романы, а не учебники истории и тем более не монографии являются главным источником исторических познаний большинства жителей планеты.

Pro

Рассмотрим познавательные возможности различных видов искусства.

Известно (по крайней мере, материалистам), что объективная реальность обладает эстетическими свойствами, которые и отображает искусство. Но дело в

том, что эти свойства могут по-разному оцениваться в разных культурах и изменяться вместе с изменением мировоззрения людей от эпохи к эпохе, а то и под влиянием вкусов и моды. Вероятно, наиболее расхожим примером этого являются представления о женской красоте.

Очевидно, что наиболее объективно отражает реальность реалистическое искусство. И хотя оно отражает всю реальность целиком, по произведениям искусства мы не можем судить о ее физических, химических или биологических свойствах. Искусство позволяет в большей или меньшей степени, познавать социальную и психическую реальность. Так, в исторических романах мы можем прочитать о революциях, расстановке противоборствующих сил, их идеологиях и программах. Но чаще всего это лишь фактический или символический фон, который должен объяснять, оценивать, акцентировать действия и/или психологию описываемых персонажей. При этом реальность по-разному отображают авторы с различным мировоззрением, а оно во многом является результатом социализации в разных исторических, культурных (субкультурных) и социальных («стратификационных») условиях. Но тайна художественного видения, видимо, состоит в нахождении моментов изоморфности отдельных сторон действительности и проявления свойств личности, социальной группы, общества, в умении увидеть эту изоморфность, выразительные символы человечески наиболее значимого.

Все вышесказанное касается не только литературы, но в различной степени и других изобразительных видов искусства, которые отражают действительность в образах, имеющих форму самой действительности, например, реалистической живописи, графики, скульптуры. Но что в познавательном плане может дать выразительное искусство, которое передает общий характер переживания своими специфическими средствами, не имеющими аналогов в действительности, например, абстрактная живопись, музыка, танец?

Таким образом, о познавательной функции искусства в прямом смысле этого слова можно говорить только применительно к реализму в его (искусства) изобразительных видах, которые передают правду жизни специфическими художественными средствами, в различной мере проникают в реальность, а, следовательно, с различной глубиной и полнотой позволяют познавать ее. Об объективности такого познания на примере литературы речь пойдет ниже.

Конечно, наибольшими познавательными возможностями обладает именно литература, но ее разные жанры опять-таки в различной степени «правдивы»: от самого достоверного жанра – очерка до сказки, хотя и в авторских, и особенно в народных сказках и вообще в фольклоре может содержаться ценная для исследователя информация [Юрасова; Верховин]. Наиболее ярко интеграция литературы и науки проявилась в натурализме, сформировавшемся как самостоятельное художественное направление позитивистско-эволюционистской ориентации во второй половине XIX в. Писатели-натуралисты (самые знаменитые из них – Э. Золя, А. Додэ и Ги де Мопассан во Франции, Т. Драйзер, Дж. Лондон и Дж. Стейнбек в США) считали, что искусство должно быть в прямом смысле слова научным, т.е. максимально объективным, фотографически точным, докумен-

тальным как протокол. Для того чтобы отразить сущность эпохи и/или объяснить поступки людей натуралисты тщательно изучали социальные условия, условия труда и быта, технологии, психологические и естественнонаучные предпосылки человеческого поведения.

Наконец, как справедливо было указано выше, познавательную сферу искусства следует ограничить социально-гуманитарным знанием. Конечно, существует научно-популярная литература и научная фантастика с ее опережающими время идеями, но для получения конкретных сведений из естественнонаучной и инженерной областей все же лучше обращаться к научным источникам.

Contra

Развитие формально-логических методов в естественных науках имело своей главной целью выявление объективных законов. Подразумевалось, что эти законы позволят изменять реальность с предсказуемыми последствиями и вообще предсказывать будущее. Таким образом, утвердились два критерия научности. Первый содержательный – положения подлинной науки всегда соответствуют реальности. Второй формальный – построение науки осуществляется в соответствии с законами формальной логики. Но, по крайней мере, в процессе изучения общества оба этих критерия подверглись сомнению. Истина становится здесь таковой только потому, что верящие в нее люди начинают реализовывать ее на практике. Поэтому использование строго научного метода не дает всей полноты знаний об обществе.

Ученые долго шли к тому, чтобы расшифровать геном человека. На этом пути были ошибки, возникали тупиковые ветви познания, но в результате родилась объективная истина, которая никем не оспаривается. Но можно ли получить такую же однозначную истину, например, относительно Октябрьской революции? Конечно, нет. Дискуссии о том, был ли это переворот, спровоцированный германским правительством, или русский бунт «бессмысленный и беспощадный», или попытка идеологов реализовать утопии, которыми многие века грезил человек, не прекратятся никогда. Но что более важно для общественных дискуссий – новый научно-исторический текст, дополняющий общую картину парой «объективных» фактов, или новый фильм о Троцком, Парвусе и Ленине, приуроченный к столетию означенного события? Постмодернизм отдает предпочтение второму способу познания или, по крайней мере, считает, что он не хуже первого.

Безусловно, и в социально-гуманитарных науках возможно, хотя и фрагментарное, но объективное знание, подобное знанию о геноме человека. Но в целом идея Дюркгейма о том, что с помощью «социальных фактов» можно построить науку, столь же совершенную, как физика, оказалась утопией. Поэтому искусство в сфере знаний о человеке и обществе не следует воспринимать как нечто мешающее или альтернативное науке. Реальное и, главное, действенное восприятие социальной реальности любым человеком всегда будет синтезировать в себе некоторые неоспоримые факты, их ценностное осмысление и художественные образы, помогающие понять происходящее. *«Коммуникативный континуум*

обладает возможностью порождения общего смысла, отражающего свойственное «Я», и «Ты», но не суммирующего свойства «Я» и «Ты», допуская логически взаимоотрицающие и одновременно духовно-слитые свойства» [Иванова: 190].

Для конкретной иллюстрации равнозначности познавательных систем рассмотрим возможности описания общества в социологии и литературе.

Уже со времен возникновения марксизма, а затем и Франкфуртской школы стала аксиоматичной невозможность в рамках социологического знания жестко разделять объективные факты и ценности, присущие мировоззрению каждого ученого. В ценностной ориентированности социологических текстов нет ничего плохого. Просто эту аксиологическую составляющую нужно учитывать при восприятии социологических концепций и идей. Однако ученые зачастую всеми силами пытаются избегать необъективности, тогда как художники, напротив, стремятся выразить свое эмоциональное и ценностное отношение к вещам и явлениям, событиям и людям. Следовательно, художественное произведение, посвященное тем или иным социальным проблемам, отличается от социологического труда во многом степенью проявления ценностных ориентаций их авторов.

Процесс глобализации своеобразно заострил данную проблему. Когда социология как сфера приложения усилий думающих людей стала выходить за рамки европоцентричности, стало очевидным, что ее язык и многие ее принципы неадекватны для описания и анализа общественных явлений в других самобытных культурах. Русская культура и русская цивилизация служат хорошим примером этого. На протяжении последних двух столетий в России не было развитой социологии в классическом понимании этого слова. Чаще всего это объяснялось политическими причинами, а именно царской, советской, а затем и постсоветской цензурой. Однако в этой социологической «неразвитости» просматриваются и социокультурные корни – некоторая несовместимость традиционного позитивистского метода познания с тем, что происходило и происходит в России. Сознательное исключение эмоционального фона из описания и анализа социальных явлений делает позитивистскую картину русской жизни куцей, бесцветной, не отражающей всей полноты реальности. Кроме того, и сами отечественные ученые не хотят ограничивать себя жесткими рамками традиционного научного подхода. Неслучайно, что на попроще академической социологии достижения русских ученых за редкими исключениями выглядят примерно так же, как и достижения российских спортсменов в слаломе-гиганте. Что называется, не наш вид спорта.

В XIX столетии в нашей стране не было своих спенсеров и дюркгеймов, но были Толстой, Достоевский, Островский, Сологуб и многие другие классики русской литературы. Во многом мы изучаем жизнь тогдашней России по их произведениям. И мы не можем сказать, что знаем тогдашнее общество намного хуже, чем европейцы, которые в познавательных целях могут использовать работы своих ранних социологов-позитивистов. Жизнь общества многоаспектна, мир многообразен, и столь же многоаспектными и многообразными должны быть методы его познания.

Таким образом, не будет ошибкой сказать, что русская литература описывает русскую жизнь лучше, чем русская социология. С точки зрения постмодернизма в этом нет ничего плохого. Нужно принять эту ситуацию как данность и учитывать ее в дальнейших попытках осмысления национального бытия. Точно так же важными средствами познания русского социального пространства могут выступать театр, кинематограф и другие виды искусства. Однако художественную литературу все же следует считать важнейшим методом (а не только источником) познания российского общества. В связи с этим можно утверждать, что традиционная для эпохи модерна канонизация «вечных» принципов научного исследования уходит в прошлое, а многочисленные формальные признаки научности видятся как все более относительные критерии нужности, полезности и инновационности размышлений об обществе.

Итак, в современных условиях изучение литературы может считаться одним из важнейших направлений развития социологии. В литературных текстах соединяются в некое единое целое и реальная фактура социальных процессов, и отношение к ним самых разных людей, но чаще всего – представителей элиты общества, оказывающей прямое или косвенное воздействие на его развитие. Кроме того, в рамках постмодернистского социологического анализа может быть проинтерпретирована вся совокупность текстов по любой проблеме (от газетных статей, написанных на злобу дня, до внушительных монографий, авторы которых претендуют на естественнонаучную точность своих выводов), включая и те источники, которые традиционной наукой считаются недостойными внимания.

Pro

Несмотря на многочисленные попытки интеграции науки и искусства, разрыв между ними является фактом, а сам этот факт – следствием общего процесса дифференциации европейской культуры, особенно усилившегося в XX веке. В начале века на этот процесс указывал М.Вебер, в частности отмечая обособление различных экспертных субкультур. В середине века можно считать программной лекцию Чарльза П. Сноу «Две культуры и научная революция» [Сноу], прочитанную им в Кембриджском университете и посвященную проблеме увеличивающегося разрыва между естественнонаучной и гуманитарной культурой, усугубляющегося дисциплинарной дифференциацией внутри науки. Эти процессы приводят к односторонности, а значит и неполноте различных способов познания единой природы, формированию разных мировоззрений «физиков» и «лириков», непониманию ими друг друга, их претензиями на монопольное обладание истиной, что чревато серьезными социальными конфликтами.

Благодаря осознанию непродуктивности обособления науки и искусства, в 1970-е годы начали появляться работы о художественном познании. Приведем пример того, как искусство рассматривалось в аспекте формирования целостных образов в советской версии марксизма.

«Особенно важна способность искусства к формированию принципиально новых качественных представлений, не сводимых к уже известным. Такие принци-

пиально новые качества постоянно рождаются в самой жизни, их появление составляет главный момент всякого развития. По своей способности к улавливанию и передаче нового, искусство намного превосходит науку и именно здесь часто опережает ее» [Голицын: 51]. «Главный инструмент искусства – художественный образ есть не что иное, как средство объединить в сознании зрителя множество элементов и черт действительности в своеобразное нерасторжимое целое. Так, повествуя о приключениях некоего странствующего рыцаря, отставшего от своего века, художник сливает в нашем сознании такие качества, как храбрость, благородство, непрактичность и т.д. в новый сплав – донкихотство. Отныне мы получаем новый тип в классификации человеческих характеров, новый инструмент в познании мира, и можем воспользоваться им, не заботясь о том, из каких частей он составлен. Стоит нам сказать это слово, и в сознании собеседника возникает целостное, качественное, своеобразное представление, не нуждающееся в разложении на элементы. Оно само – новый элемент, который может входить в состав других, более сложных представлений» [Голицын: 50].

Новые образы – один из познавательных инструментов, которое предоставляет нам искусство. Другим инструментом является толкование художественных произведений, чаще всего текстов, в целом. К концу второй трети XX века в философии и социологии сложилось научное направление и метод научного анализа текстов под названием герменевтика. Однако этот новый познавательный инструмент в своей основе вовсе не нов. Вся наша познавательная и коммуникативная деятельность, как научная, так и обыденная, теснейшим образом связана с интерпретацией различных слов, жестов, произведений литературы, музыки, живописи и других знаковых систем. Ученый интерпретирует результаты наблюдений и экспериментов, математик и логик – исследуемую формальную систему, музыкант – исполняемую музыку, критик – анализируемое произведение (музыкальное или литературное сочинение, картину и пр.), каждый человек – окружающих его людей, их поведение, жизненные обстоятельства. Вместе с тем язык является наиболее универсальным средством общения и выражения мысли, и поэтому он наиболее тесно связан с процессом интерпретации [Рузавин: 162].

Толкование текстов с социологической точки зрения – это ни что иное как качественный или традиционный анализ документов: интерпретация их формальных характеристик (внешний анализ) и содержания (внутренний анализ). Но ведь для социологии метод традиционного анализа документов в прямом смысле слова традиционен. Возможно, социологам, да и другим ученым следует более внимательно относиться к литературе и другим произведениям искусства. При этом вряд ли стоит полагаться на изучение какого-то одного произведения. Для большей обоснованности и информативности выводов потребуются одновременно проанализировать произведения нескольких авторов, но определение критериев их отбора – трудноразрешимая задача.

Предположим, мы хотим наконец-то объективно изучить социальные процессы в послереволюционном советском государстве по отечественным литера-

турным источникам. При этом, очевидно, нам необходимо учитывать произведения, написанные литераторами: принявшими революцию; не принявшими революцию и иммигрировавшими из страны; не принявшими революцию и оставшимися в стране (а значит творившими под влиянием господствующей идеологии); занимавшими нейтральную позицию («попутчики»); изменившими свою позицию с позитивной на негативную, и наоборот; художественно сформировавшимися после революции. Нужно также принять во внимание принадлежность писателей к различным литературным объединениям, ставившим перед собой различные художественные задачи. Среди них Российская (позже – Всесоюзная) ассоциация пролетарских писателей (РАПП), «Перевал», Левый фронт искусств (ЛЕФ), Литературный центр конструктивистов (ЛЦК), «Серапионовы братья», Объединение реального искусства (ОБЭРИУ). Заметим также, что многие крупные писатели не входили ни в одно из этих объединений. Если же мы попытаемся включить в выборку произведения зарубежных авторов, то картина еще более усложнится.

По поводу объективности получаемой информации (если научные выводы вообще должны быть основаны на чем-то объективном) можно привести такой пример. Советскую власть приняли и соответствующим образом осветили в печати такие зарубежные литературные авторитеты, как А. Барбюс, И. Бехер, Д. Рид, Э. Синклер, А. Франс, Б. Шоу. Чего только стоят высказывания последнего (летом 1931 года!) о том, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из кризиса и спасти его от полной анархии и гибели, что государственные люди советской России имеют не только огромное моральное превосходство над западными, но и значительное умственное превосходство, что Сталин – гигант, а все западные политики – пигмеи. Правда, некоторые «авторитеты» со временем пересмотрели свои взгляды. Например, А. Жид, которому во время очередного посещения совдепии Б. Пастернак, что называется, раскрыл глаза на происходящее.

Таким образом, главными проблемами интерпретации были и остаются степень соответствия содержания художественных произведений реальности (как бы она не понималась) и репрезентативность их выборочной совокупности, что, впрочем, является проблемой для метода анализа документов вообще – как в его качественной, так и в его количественной формах.

Contra

Естественные науки эмоционально нейтральны, но научные знания о людях, просто как об «объектах», чаще всего не отражают и малой доли того, что происходит в обществе, и совершенно бессмысленны с точки зрения управления им. Например, некое правительство заказывает социологическое исследование о трудоустройстве мигрантов в стране. В результате чиновники получают данные о том, что: экстраверты и бывшие жители мегаполисов устраиваются лучше, чем интроверты и бывшие обитатели малых городов; женщины переносят безработицу лучше, чем мужчины и т.п. Эти связи, выявленные с помощью ме-

тодов математической статистики, с точки зрения традиционной науки и есть истина в последней инстанции, поскольку она объективна и операциональна (с ней можно работать).

Как же этими данными могло бы воспользоваться миграционное ведомство? Не пускать в страну интровертов, устраивая тесты в посольстве? Запретить въезжать в страну лицам, живущим в городах с населением меньше 1 млн. человек? Но это невозможно по этическим соображениям. (Рафинированные научные знания часто начинают противоречить нормам морали и правам человека.) Для того чтобы вписать новых мигрантов в жизнь страны, наверное, более полезным было бы ознакомление с их письмами на родину, или прочтение романа, написанного иммигрантом. Эти эмоционально окрашенные знания будут не только полнее, но и операциональнее.

Можно поднять вопрос и о полноценности результатов проведенного исследования. Ведь едва ли возможно учесть все факторы, влияющие на связи между переменными. Кроме того, об объективности полученных данных можно будет судить, прочитав аналитические отчеты о результатах подобных исследований, написанные, допустим, российскими и американскими специалистами. Не трудно догадаться, что их выводы во многом будут различаться. Поэтому сфера применения «чистой» социально-гуманитарной науки с ее непротиворечивостью, логической увязанностью всех аксиом, теорем и следствий заведомо оказывается довольно узкой. Для компетентной деятельности в конкретной (чаще всего уникальной) социальной ситуации важно эмоционально вжиться в нее, прочувствовать ее не только умом, но и сердцем, а это так не похоже на науку.

Постмодернистское сознание как альтернатива сознанию модерна заменяет иерархию идей рынком идей. У постмодернистского текста нет изначальной претензии на объективность, но он будет создавать настроение, и наряду с получением знаний исследователь или любой читатель будет формировать определенное эмоциональное отношение к проблеме. Если вернуться к вышеописанному примеру, чиновник должен попытаться влезть в шкуру мигранта, понять его предрас судки, внутренние страхи, надежды. Кроме того, сам текст должен быть оформлен как выставка с различными стендами. Фрагменты, относящиеся к судьбе разных людей, могут быть напечатаны разными шрифтами и по-разному отформатированы. Допустим фрагменты, касающиеся судеб мигрантов-мусульман, могут быть набраны «по-арабски» – вначале правая страница, затем левая.

Постмодернисты считают, что, воспринимая такой материал, чиновник миграционного ведомства или любой другой человек сможет понять значительно больше, чем скажут ему сухие столбцы цифр, отражающие результаты традиционного опроса, и принять наиболее обоснованное решение. Такой текст читается как художественное произведение, и поэтому не требует специальной научной подготовки. Он не отличается строгостью формальной логики, но дает возможность задуматься, и поэтому каждый прочитавший познает свою истину. Совокупность таких «истин» и есть наиболее адекватное отражение бесконечной сложности мира.

Многообразие методов познания, не сводимых к научным, демонстрирует концепция немецкого социолога начала XX века Л. фон Визе, впоследствии развитая австрийским экономистом Ф. фон Хайеком [Хайек]. У этих авторов речь идет о познавательных возможностях конкуренции – о конкуренции как процедуре открытия. В отличие от науки, которая стремится к открытию всеобщих закономерностей, конкуренция выступает как метод открытия конкретных фактов, имеющих значение для достижения специфических актуальных целей. Наука интересуется единичными конкретными фактами лишь в той мере, в какой они действуют подтверждению или опровержению теорий. И поскольку теории имеют дело с общими, устойчивыми свойствами мира, время, в течение которого научные открытия должны подтвердить свою ценность, не ограничено. Напротив, польза от знания конкретных фактов, открываемых на рынке конкуренцией, в значительной мере преходяща.

Приведем простой пример. У человека есть кафе. Он накрывает столы яркими зелеными скатертями и вскоре замечает, что его кафе начинают активно посещать мусульмане. И даже не зная, что мусульмане по-особому относятся к зеленому цвету, он делает соответствующий вывод, который касается, может быть, только его кафе на данном перекрестке. Открытая таким образом истина не носит общего характера, но помогает человеку быть успешным в конкурентных условиях. То есть хозяин кафе приобретает операциональное знание относительно того, нужно или не нужно накрывать столы зелеными скатертями в зависимости от его желания или нежелания привлекать в кафе клиентов-мусульман. Это знание очень конкретно и очень полезно, но никакого отношения к науке не имеет, поскольку ничего не говорит о поведении мусульман вообще. Если же в стране будет предпринято строго научное широкомасштабное исследование отношения мусульман к зеленым скатертям, эта закономерность с практической точки зрения сразу же станет бесполезной. Просто все те хозяева, кафе которых подходят (по научным данным) для привлечения мусульман, накроют столы зелеными скатертями, а другие – нет. Таким образом, инновации, способные вылиться в реальный коммерческий успех, должны включать в себя открытие частных закономерностей.

Искусство также познает реальность, но это познание не следует толковать в парадигме отражения. Эта парадигма, свойственная как материалистической философии, так и обыденному сознанию, исходит из аксиомы о существовании объективной реальности, которую сознание человека во всех его проявлениях – науке, искусстве, религии, мифах, предрассудках, здравом смысле – и отражает. Именно в этой парадигме реализм занимает особое положение, наиболее успешно справляясь с задачей отражения. Примером крайнего выражения парадигмы отражения может служить мнение Н.Г.Чернышевского о том, что суть искусства заключается не в том, чтобы создавать отличные от жизни образы, а в том, чтобы снабжать человека недостающей информацией или «помочь нашему воспоминанию» о других людях или явлениях. Понятно, что это мини-

мум того, на что способно искусство. Но искусство как познавательную систему нужно рассматривать под совсем иным углом зрения.

Искусство познает мир в рамках парадигмы формирования компетенций, необходимых в жизни. Оно снимает напряжение, создает настроение для того, чтобы действовать, раскрывает новые грани общения, объединяет людей в общности... Все это и многое другое, что дает искусство, необходимо человеку не в меньшей степени, чем отражение реальности. С прагматической точки зрения, и наука, и искусство – это лишь совокупность текстов, которые помогают людям жить. И если помощь эта успешна, значит, успешным является и процесс познания, стоящий за ней. И совершенно не важно, каким был текст – научным или художественным, вербальным, изобразительным или музыкальным.

Таким образом, и конкуренция с ее пробами и ошибками, и искусство с его образами и эмоциями, и наука с ее понятиями и законами являются специфическими познавательными системами, каждая из которых по-своему необходима человеку.

Источники

- Айзексон У. (2015). Инноваторы. Как несколько гениев, хакеров и гиков совершили компьютерную революцию. М.: Corpus, АСТ.
- Бакеева Е.В. (2014). Введение в онтологию: образы мира в европейской философии: курс лекций. Екатеринбург.
- Верховин В.И. (2014). Экономическое поведение в русском фольклоре // Бизнес в литературе: социологический анализ / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. С. 185-207.
- Гегель Г.В.Ф. (2016). Философия духа / Ред. М.Терешина. Москва.
- Голицын Г.А. (1979). Все ли можно выразить числом? // Число и мысль. Сборник. Вып. 2. Москва.
- Иванова О.Э. (2015). Влияние коммуникации на смысл: парадигмальный подход. Дисс. д-ра филос. н. Челябинск.
- Конт О. (2016). Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. Москва.
- Куликова Е.Г. (2013). Коммуникативный континуум: вариантно-инвариантный подход [эл. ресурс]: <http://kurs.znate.ru/docs/index-181817.html>.
- Мамедов А.К. (2017). Эпистемология социального познания: монография. Москва.
- Кун Т.С. (1975). Структура научных революций / Пер. с англ. И.Э. Налетова // Открытый текст [эл. ресурс]: <http://opentextnn.ru/man/?id=621>.
- Рассел Б. (1998). Мудрость Запада: Историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами / Ред. англ. изд. П. Фулкес; Общ. ред. и предисл. В.А. Малинина; Пер. с англ. Москва.
- Рузавин Г.И. (1985). Проблема понимания и герменевтика // Герменевтика: история и современность: (Критические очерки). Москва.
- Свасьян К.А. (2001). Философское мировоззрение Гёте. Москва.
- Сноу Ч.П. (1973). Две культуры и научная революция. Москва.
- Спиноза Б. (2016). Этика. Москва.
- Хайек Ф. (2006). Конкуренция как процедура открытия // Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. Москва. С. 389-391.
- Юрасова М.В. (2014). Антипредпринимательская социализация и советское искусство для детей // Бизнес в литературе: социологический анализ / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. С. 169-182.

■ ■ ■ On Cognitive Systems Equality: a paradigm of communicative continuum

Sergey A. Barkov¹, Vladimir I. Zubkov²

1. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

2. Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia.

Abstract. The study of the problem is built in the form of a dialogue between an adherent of postmodernism, advocating the equivalence of cognitive systems (mainly science and art), and an adherent of classic science, which considers it as the main cognitive system. The article deals with: the history of inseparability-isolation of cognitive systems; continuum natural sciences – social and human sciences – art; cognitive possibilities of visual and expressive arts; cognitive tools of art (artistic images) and capabilities of artistic works interpretation; cognitive methods of empathy, discovery of concrete facts and competency building; ways of changing the world by science and art. A reader is invited to sum up the arguments of the authors.

Keywords: modernism, postmodernism, deprive of science, cognitive systems, scientific method, cognitive methods of art

For citation: Barkov S.A., Zubkov V.I. On Cognitive Systems Equality: a paradigm of communicative continuum. *Communicology (Russia)*. 2018. Vol. 6. No.3. P. 15-33. DOI 10.21453 / 2311-3065-2018-6-3-15-33.

Inf. about the authors: Sergey Aleksandrovich Barkov, Dr. Sc. (Soc.), Professor, head of economic sociology and management department, faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University; Vladimir Ivanovich Zubkov, Dr. Sc. (Soc.), Professor, Department of Public Administration and Social Technologies, Faculty of Engineering Economics and Humanitarian Sciences, Moscow Aviation Institute (National Research University). Address: 119234, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, 1/33, Faculty of Sociology. E-mail: barkserg@live.ru.

Received: 11.05.2018. *Accepted:* 23.05.2018.

References

- Bakeeva E.V. (2014). Introduction to ontology: images of the world in European philosophy. Course of lectures. Ekaterinburg (In Rus.).
- Comte A. (2016). The Positive Philosophy. Moscow (In Rus.).
- Golitsyn G.A. (1979). Can everything be expressed in number? Coll. sc. papers, Issue 2. Moscow (In Rus.).
- Hayek F. (2006). Competition as a Discovery Procedure. In: Hayek F. Law, Legislation and Freedom. Moscow. P. 389-391 (In Rus.).
- Hegel G.V.F. (2016). Phenomenology of Spirit / Ed. And transl. M. Tereshina. Moscow (In Rus.).
- Isaacson W. (2015). The Innovators: how a group of hackers, geniuses and geeks created the digital revolution. Moscow: Corpus, AST (In Rus.).
- Ivanova O.E. (2015). The influence of communication on the meaning: the paradigmatic approach. Diss. Dr. Sc. (Philos.). Chelyabinsk (In Rus.).

Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions / Transl. I.E. Naletova [el. source]: <http://opentextnn.ru/man/?id=621> (In Rus.).

Kulikova E.G. (2013). Communicative Continuum: variant-invariant approach [el. source]: <http://kurs.znate.ru/docs/index-181817.html> (In Rus.).

Mamedov A.K. (2017). Epistemology of social cognition: monograph. Moscow (In Rus.).

Russell B. (1998). Wisdom of the West: Historical research of Western philosophy in connection with social and political circumstances / Ed. eng. P. Fulkes; General. ed. V.A. Malinina. Moscow (In Rus.).

Ruzavin G.I. (1985). The problem of understanding and hermeneutics. Hermeneutics: history and modernity (critical essays). Moscow (In Rus.).

Snow C.P. (1973). The Two Cultures and the Scientific Revolution. Moscow (In Rus.).

Spinoza B. (2016). Ethics. Moscow (In Rus.).

Svasyan K.A. (2001). Philosophical worldview Goethe. Moscow (In Rus.).

Verhovin V.I. (2014). Economic Behavior in Russian Folklore // Business in Literature: sociological analysis / Ed. S.A. Barkov, V.I. Zubkov. P. 185-207 (In Rus.).

Yurasova M.V. (2014). Anti-entrepreneurship socialization and soviet art for children. In: Business in Literature: sociological analysis / Ed. S.A. Barkov, V.I. Zubkov. P. 169-182 (In Rus.).